

Довгополова О.А.

Киев, Украина

Универсальное и особенное в духовной культуре эпохи глобализации

История человечества второй половины XX в. ознаменовалась началом значимого переходного периода, который характеризуется тенденциями, с одной стороны, к глобализации различных сфер человеческого существования, а с другой – к обоснованию самоценности особого национального или регионального пути развития, к отторжению общечеловеческого. Глобализация – явление нашего времени, однако представляется возможным видеть в ней современную форму универсализации, присущей переходным эпохам в целом. Тот ракурс, который появляется при рассмотрении глобализации и антиглобалистских движений через призму духовной культуры переходных эпох, позволяет более четко увидеть взаимосвязь универсализирующих и центробежных тенденций современности. Мы попытаемся сосредоточиться не на собственно глобализационных процессах, но на тех изменениях в мировосприятии человека XX века, которые, возможно, порождены экономико-политическими новациями современности, называемыми глобализацией. Изменение механизма истолкования мира – вот предмет нашего рассмотрения. При этом интересно понять, насколько эти изменения всеобщи, как они соотносятся с региональным разнообразием хотя бы только западного мира.

Переходное время, как правило, порождает желание найти наиболее общие основы существования человечества. Старая система ценностей рушится, а направление формирования новой еще не определилось, поэтому хочется расчистить “фундамент” собственного существования, очиститься от временного и вернуться к вечному. Это желание становится основой универсализирующих тенденций развития культуры эпохи “взрыва”. Переходная эпоха второй половины XX в. имела серьезную базу для

становления своей универсализирующей составляющей в опыте послевоенного переустройства мира. Тогда поиск предельно общих основ существования человечества был осознан как условие дальнейшего существования цивилизации. В конце сороковых и в пятидесятые годы взаимоотношения наций и политических режимов виделись сквозь призму недавних событий – тень национал-социализма делала пугающей саму мысль об особых правах отдельной этнической или социальной группы. Поэтому, к примеру, даже масштабные документы, касавшиеся регламентации прав человека, намеренно обходили вопросы прав национальных и религиозных меньшинств, отдельных полов и возрастных групп, делая акцент на необходимости выработать общие нормы, без всяких различий [7, 116].

При этом универсализирующая направленность мышления была не результатом политического прессинга со стороны держав-победительниц, стремившихся создать “новый мир” (или была *не только* результатом этого прессинга), но внутренней потребностью осмысления мира послевоенным человеком. Показательны в этом отношении рассуждения Джойс МакМиллан, шотландки по происхождению, о послевоенном национальном сознании в Великобритании. “Моральная и действительная победа 1945 создала сильное и гордое убеждение, даже среди тех, кто ощущал себя патриотами Шотландии, Уэльса или Ольстера, в том, что Британцы в целом являются исключительно «хорошей» нацией, вместилищем особых достоинства и добродетели, которые повели борьбу против зла, манифестированного в нацизме” [5, 75]. Поэтому и собственное национальное чувство Джойс МакМиллан до поры до времени находилось “на втором плане”, несмотря на то, что она ощущала себя шотландкой. Наверное, в любом государстве послевоенной эпохи живо ощущалось это чувство единения, гордости за общую победу. Поэтому столь органично универсальные требования легли в основу международно-правовых документов, затрагивающих вопросы прав человека.

Процесс универсализации самосознания послевоенного человека развивался параллельно с формированием новой экономической системы мира. Развитие нового типа экономики, возникновение так называемого общества массового потребления сделали западную экономическую модель тем центром, который постепенно поглотил другие модели. Начавшиеся в шестидесятые годы экономические процессы создали ту ситуацию, которую мы ныне именуем глобализацией. Глобальная экономика создала базис для теоретического обоснования неизбежности процесса универсализации всех сфер человеческого существования. О послевоенном оптимизме в этой ситуации говорить уже не приходится – в ситуации нового политико-экономического передела мира универсальные ценности начали приобретать зачастую агрессивный характер. Однако попытка изобразить духовную ситуацию эпохи глобализации исключительно черным цветом была бы примитивным политическим приемом. Это слишком сложный процесс перестройки мыслительных установок человечества в целом, чтобы однозначно примыкать к лагерю глобалистов или антиглобалистов.

Универсализирующая тенденция развития послевоенного мира очевидна. Однако, если мы обратимся к особенностям сознания переходных эпох в целом, мы неизбежно обнаружим в них не менее выраженные “центробежные” тенденции: стремление к индивидуальному, неунифицированному. Те же условия крушения традиционной системы ценностей оставляют человека в одиночестве перед неясной и непредсказуемой судьбой, лишают его поддержки устоявшихся коллективных ориентиров. В ситуации, когда положиться можно только на себя, ценность самости, индивидуальности предстает совсем не в том свете, что в традиционном обществе с коллективным сознанием. Можно ли проследить эти тенденции в культуре второй половины XX в.? Они столь же очевидны, как и стремление к унификации.

Во второй половине XX в. ценность особенного неожиданно выступила на передний план именно в связи с выработкой универсальных оснований

человеческого общежития. Попытка выработать приемлемые для всего человечества правовые и этические нормы сделала очевидным все непримиримое разнообразие способов мыслить, сохраняющееся, несмотря на все универсализующие усилия участников послевоенного переустройства мира. Внезапные участники процесса в значительной мере отождествили требования уважения к всеобщим правам человека с культурной экспансией Запада. Будучи частью глобальной экономики, незападные (азиатские, в первую очередь) страны резко воспротивились культурной универсализации, отстаивая идеал множественного мира.

Это выглядело бы просто реакцией на заповенение “рынков” американской продукцией (от МакДональдса до голливудских фильмов), если бы сам Запад не испытал во второй половине XX в. ощутимой тяги к культурному разнообразию. Европа ныне одевается в национальные костюмы и возрождает забытые национальные языки. В школах вводится изучения валлийского, шотландского и многих других “негосударственных” языков; вновь выходит на арену региональное самосознание – самобытность Камарга или Кастилии осознается как более значимое, нежели их политическая и этническая принадлежность соответственно Франции и Испании. Эта тенденция проявляется на самых разнообразных уровнях. Если мы уже упомянули Францию, любопытно, в частности, отметить появление целого ряда исследований южно-французских историков (Р. Перну, Ж. Мадоль и др.), взгляд которых существенно отличается от “централизаторского” взгляда таких корифеев французской историографии, как, скажем, Ж. Дюби. Тулузско-провансальская история оказывается расцвеченной несколько иначе, чем “французская”, причем речь идет отнюдь не о провинциальных спекуляциях, но об особом модусе видения прошлого, который ускользает от историка, ищущего основу формирования *единого* государства. Мы намеренно приводим примеры не из опыта новообразованных в девятые годы стран, а из жизни, казалось бы, стабильных европейских держав.

Сердце мировой глобализации, США, пошли еще дальше. Требования Всеобщей декларации прав человека подготовили здесь рождение по сути противоположного явления – кодекса политической корректности, сделавшего права меньшинств абсолютными по отношению к относительным и абстрактным общечеловеческим ценностям. Политкорректность – явление чисто западное, рожденное в самом сердце глобализации. Так же, как чисто западным явлением можно считать постмодернизм с его абсолютной переориентацией с целостного и закономерного на дискретное, случайное, индивидуальное. Приоритет множественности перед универсальностью, центробежных тенденций перед центростремительными – характеристика “зрелого” этапа переходной эпохи второй половины XX века. Порыв к всеобщему остается в сознании как нечто неосуществимое, либо далекое от нашей конкретной жизни, т.е. из области политики или экономики.

Плюрализация культурных традиций нашла свое неожиданное отражение даже в столь неэмоциональной сфере как законотворчество. Понятия “правового плюрализма” – детище этой тенденции. Признание ценности традиционных для того или иного общества норм права наряду с существующими универсальными западными нормами становится все более популярным в последние годы, особенно среди новообразованных после распада СССР государств, стремящихся создать собственный правовой базис. Иногда это стремление порождает такие причудливые сочетания, что невольно в уме всплывает лотмановский образ мыслительных конструкторов эпохи “взрыва”, образующихся при столкновении хаотически бродящих в пространстве элементов уходящих и нарождающихся структур [2]. Так, например, в Туркменистане дань традициям законодатели отдали при разработке постановления “О государственном калыме” (2001 г.), по которому желающий жениться на туркменке должен внести в кассу “Туркменгосстраха” 50 тыс. долларов в виде “гарантии обеспечения детей на случай расторжения брака” [1, 413]. Традиционный калым легко оказывается

рядом с понятием развода, недопустимым в традиционных системах брачных отношений. Нормы, органично функционировавшие в системах обычного права, вдруг обретают новую жизнь в том самом универалистском “бульоне”, который, как кажется, должен превратить в единое варево все, оказывающееся рядом. В каком фантастическом виде предстает порой “возвращение к истокам” эпохи глобализации!

Та же тенденция антиунивералистского мироощущения дает и достаточно пугающие проявления – распространение неофашистских настроений и ксенофобии в большинстве стран Европы, превращение этих настроений в составляющую политической жизни. Глобализационные тенденции воспринимаются значительной частью европейцев как угроза самому существованию национального. Сохранить свою национальную специфику – значит (в подобной мыслительной парадигме) освободиться от включенности в универализирующие структуры. Чаще всего, к сожалению, эта тенденция приобретает агрессивные формы (как упомянутое распространение фашистских настроений). Уже высказывалось предположение о том, что эпоха глобализации порождает особо агрессивный тип национального сознания [4]. Так как представители “глобализованной” международной социальной прослойки, причастной высоким технологиям и интернациональному бизнесу, зачастую слишком заняты и слишком много и легко передвигаются по миру, национальное чувство должно у них уйти на второй план. В то же время, та неизмеримо большая масса населения любой страны, которая оторгнута от глобализованного бизнеса, оказывается настолько отдалена в социально-политическом плане от упомянутой прослойки, что возможность даже приблизиться к ее уровню жизни представляется нереальной. Именно в этих слоях, обреченных быть связанными со своей страной и невысоким уровнем жизни, и формируется особый тип национального чувства, базирующегося на идее преступности международного бизнеса и необходимости реванша глобальному [4].

В отдельных случаях ситуация неприятия включения в универсализирующий политический организм порождает желание любой ценой сохранить традиционный уклад и самостоятельность своего государства. Трагическим примером подобной установки стало, в частности, самоубийство известного эстонского поэта и публициста Рудольфа Риммеля. Свою смерть он призывал понимать не как добровольный уход из жизни, но как “последний образ”, образ того, что произойдет с Эстонией, если 14 сентября 2003 г. она проголосует за вступление в Евросоюз. “Мой добровольный уход из жизни вовсе не добровольный, – написал Р. Риммель в предсмертном письме, – к этому вынуждает меня страх за мой народ” [3]. За неделю до референдума поэт создал свой “последний образ”. Пример действительно трагичен, от комментариев хотелось бы воздержаться. Единственная ремарка – Р. Риммель должен был быть *убежден, что его услышат*, чтобы решиться на подобную форму протеста, т.е. ощущал наличие в Эстонии столь же острого чувства опасности для своей нации со стороны глобализирующей структуры (в данном случае Евросоюза), как у него самого. В противном случае потребности в опубликовании предсмертного письма у него бы не было.

Наверное, неудивительно, что пример столь радикального протеста против универсализации возник именно на пространстве бывшего Советского Союза. Ведь здесь переломный характер эпохи глобализации был усугублен тяжким переходным периодом распада “империи”. Постсоветская действительность породила собственные образы глобализации, в которых сама глобализация с трудом узнает свою поступь.

Как же в этих образах репрезентируется проблема универсального и особенного? За ответом логично обратиться к материалам художественной культуры, ибо именно художественные модели мира наиболее ясно раскрывают особенности мироощущения той или иной эпохи. Здесь фантазия может не сдерживать себя рамками необходимости, здесь стучащиеся изнутри вопросы могут находить самые неожиданные и невозможные

решения. Но при всей своей парадоксальности и видимой случайности ответ придет именно на тот вопрос, который сейчас задает себе эпоха.

Заранее оговоримся, что здесь будут использованы материалы не обязательно оригинальных или элитарных литературных произведений. Наиболее общие контуры парадигматических конструкций целесообразно искать в популярной, а если говорить о культуре переходного времени, то даже в эпатажной литературе (ибо эпатаж предполагает не оригинальное творчество, а ориентацию на сложившееся стереотипы антиофициоза). Глубоко индивидуальное и оригинальное произведение менее всего пригодно для поисков матрицы мышления эпохи – вычленение в нем “среднестатистического” будет чревато значительными погрешностями. Книжки, созданные “на потребу дня”, оперирующие образами из рекламы, сериалов и т.п., представляют собой уникальный источник по изучению “культуры безмолвствующего большинства” эпохи глобализации. Очевидно, имеет смысл, оставив в стороне всякую попытку литературоведческого анализа, рассмотреть проблему сознания переходной эпохи (в контексте глобалистских и антиглобалистских тенденций) на материалах литературы разряда “у всех на устах”.

Глобализация приходит в сознание эсэнгешного человека во многом как коллаж из западных и местных символов, причем западные фантомы постепенно замещают здесь местную реальность. Возможно, именно подобные ощущения обеспечили популярность романам Виктора Пелевина, прежде всего, “Generation «П»”. Теоретические разработки Вавилена Татарского, главного героя “Generation «П»”, внедряют западную знаковую систему в ассоциативные ряды постсоветского человека. Его задача – приспособить западные слоганы для понимания местным потребителем, не искушенным в битвах между кока-колой и пепси. Успех в профессиональной деятельности Татарскому обеспечила смена универсалистской ориентации – если в студенческие годы он представлял себе, как будет вечерами творить “для вечности” (универсум вечных истин), то теперь творит, дабы наиболее

качественно вписать неказистую местную действительность в универсум Запада как источника живительных денег. Вклинивая западную рекламу в местное телевидение, Татарский осознает, что его чувство восприятия собственного государства фантастическим образом смещается. Местные политические лидеры превращаются в “просчитанные” компьютером образы в эфире, о прототипах которых даже заказчики продукции не всегда могут наверняка говорить как о реальных людях. Картину политической жизни определяют заказы от гигантов табачного производства – тот или иной поворот событий на экранах зависит от того, как удачнее показать пачку “Мальборо” в руках политического лидера. Ярчайший штрих к портрету глобализации в отечественном сознании – социальные слои, причастные к названному процессу, представляются придатком некоей международной финансовой структуры, уничтожающей саму возможность самостоятельной политической жизни попавшего под ее влияние государства. Именно этот вариант понимания глобализации (уничтожение государства и нации западным миром) является основным для постсоветского человека.

Наступление Запада на российское пространство выступает и в образе языковой интервенции. В упоминавшихся уже романах В. Пелевина есть несколько моментов, позволяющих приблизиться к пониманию восприятия среднестатистическим россиянином роли английского как части глобализационных метаморфоз отечественного бытия. Этот базовый иностранный язык действует здесь как самостоятельный герой. Особенно явственно этот момент заметен в “Generation «П»”. Дело даже не в постоянном присутствии английских фраз в профессиональных разработках главного героя и не в английском же слове в названии романа. Интересно то, что послания Татарскому “с той стороны бытия” приходят на универсальном языке. “На той стороне” сидит кто-то важный и знающий, он задает Вавилену загадки и дает подсказки. Он говорит на том языке, который исходит из истины и регулирует нашу жизнь. Позволив себе несколько вольную аналогию, мы можем вспомнить, как ангел у Данте в “Новой жизни” говорил

по-латыни, дабы не марать уст простонародным наречием. Мыслительный механизм здесь сходный: истинный язык приходит извне, на нем говорят те, кто причастен власти и пониманию истины. На уровне отечественного массового сознания метаязык воспринимается как принятие чужого языка, того, в ареал которого втягивается наше сознание.

Языковая интервенция в российской массовой культуре девяностых годов воспринимается не только как движение с Запада. В “Голубом сале” Владимира Сорокина, к примеру, роль глобального языка исполняет китайский. Это эпатажное произведение дает вывернутый наизнанку вариант глобализации – если для большинства постсоветских людей глобализация есть, прежде всего, натиск Запада, то в сочинении Сорокина предстает азиатский вариант того же явления. Значимо здесь наличие той же схемы взаимоотношений “автохтонной” и глобализирующей культур: под натиском второй первая начинает отказываться от себя, теряя не только возможность изъясняться привычными словами, но и состоять из традиционных частей тела. К примеру, Борис, автор писем об эксперименте с клон-писателями, имеет зеленые ресницы, а на висках под кожей – металлические пластины сложной формы. Русские слова в письмах сопровождаются пометкой “старорус.”, а носители некоей извращенной формы традиционно русского ведут с китаизированным миром войну из подполья. Традиционный мир заменяется искусственным, привнесённым извне, что ощущается более четко на фоне присутствия в романе темы клонирования. Справедливости ради следует заметить, что Сорокин в творении своего искусственного языка отдал дань и западной традиции – ядро ненормативной лексики составляет выдуманное английское слово (вернее, фамилия), а китайские эпитеты только расцвечивают эмоции произносящего. Языки героев “Голубого сала” действуют как самостоятельные участники событий, яснее теоретических рассуждений демонстрируя расщепление общества процессами глобализации.

Мы уже упоминали о возможности формирования крайне агрессивной формы национального самосознания в эпоху глобализации, носителями которой становятся люди, оставшиеся вне сферы глобализованной экономики [4]. Линия между “своим” и “чужим” оказывается в этом случае проведенной также внутри государства, внутри нации. Носители “исконного” национального самосознания борются уже не с “мировым злом”, но со своими соотечественниками, это зло олицетворяющими. Картина подобного столкновения предстает перед нами в том же сорокинском романе. С одной стороны мы видим полуискусственное сообщество людей, говорящих на китайско-английском суррогате и причастных сфере высоких технологий и международному бизнесу, с другой – живущих под снегами и землей “братьев”, использующих советские снегоходы и подчеркнуто устаревший русский. Проблема практически физического расхождения различных слоев российского общества маячит чуть ли не в любом печатном тексте. В качестве ярчайшей иллюстрации этого движения национального чувства можно отметить хотя бы перерожденцев из романа Татьяны Толстой “Кысь” – они уже не вполне напоминают людей.

Проблема глобализации предстает в российской литературе девяностых и в теме реванша национального за подавление монстром всемирного. Например, в том же “Голубом сале” В. Сорокина “война миров” заканчивается победой местного начала, причем без особых трудностей. В “Пространстве Готлиба” Д. Липскерова лозунг “Они не пройдут!” реализуется в описании абсурдной Метрической войны, которую Япония (еще одно не прямое свидетельство присутствия азиатского варианта глобализации в мыслях жителя СНГ девяностых годов) начинает против России, дабы заставить последнюю отказаться от собственной системы измерений с верстами и фунтами. “Я за наши версты две пули в животе имею! Понадобится, и третью приму!” – декларирует один из героев романа, прославляя победу родного народа. Гротескность и даже карикатурность пафоса подобных литературных героев отнюдь не является доказательством

отсутствия в реальности проблемы реванша – если бы напряженности с темой не было, она не появилась бы в столь разных романах.

Постсоветское сознание, как правило, создает отрицательные варианты понимания глобализационных процессов. Было бы странно ожидать иного от обществ, не имеющих среднего класса, служащего обычно “буфером” между убежденными глобалистами и антиглобалистами. Тем не менее, тенденции глобализации в ее отрицательных и положительных вариантах присутствует и в постсоветских странах, что явственно свидетельствует о включенности этих стран в глобализационные процессы. Образ глобализации, рожденный в сознании постсоветского человека является вариантом глобализированного сознания, существующим наравне с другими. Наличие описанных тенденций восприятия универсализации мира на пространстве бывшего СССР отнюдь не свидетельствует об отсутствии субстрата глобализации в постсоветском сознании. Тема “нашествия” тех, кто уничтожает наше национально-культурное своеобразие слишком актуальна в современном отечественном мышлении, чтобы не иметь связи с общим направлением движения мировой парадигмы мышления. Глобальным оказывается страх уничтожения национального. Глобальны акции протеста против глобализации. Всякое антиглобалистское мероприятие использует методы и приемы глобализации. Наивно пытаться видеть в западном мире однородную массу тех, кто жаждет универсализации. Мы найдем считанные единицы оптимистов, которые, подобно лондонскому профессору Мичио Моришима верят в то, что современные политико-экономические процессы в обозримом будущем растворят национальные границы, что снимет, в частности, проблему толерантности – все будут мыслить одинаково [6]. В реальности получается наоборот – весь мир в той или иной мере отстаивает свое национальное, религиозное, культурное, правовое и т.д. своеобразие, что можно оценить как черту сознания, органически присущую эпохе глобализации. Обе тенденции – универсализация и мультипликация – в равной мере присущи современной духовной парадигме, более того, стимулируют взаимное

развитие. Исчезни одна из них – немедленно потеряет наличное бытие и вторая.

Литература:

1. Ковлер А.И. Антропология права. – М.: Норма, 2002. – 480 с.
2. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – 245 с.
3. Смерть как последний образ. Предсмертное письмо эстонского поэта Рудольфа Риммеля // ЛГ. – 5–11 ноября 2003. – № 45 (5948).
4. Kaldor M. Cosmopolitanism Versus Nationalism: the New Divide? // Europe's new Nationalism. States and Minorities in Conflict. – New York - Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 42–58.
5. McMillan J. Scotland's Quiet Nationalism // Europe's new Nationalism. States and Minorities in Conflict. – New York - Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 75–84.
6. Morishima M. Tolerance and a Possible Course of Social Development // La tolerance aujourd'hui. Analyses philosophiques. UNESCO. – Paris, 1993. – P. 47–54.
7. Thornberry P. International Law and the Rights of Minorities. – Oxford: Clarendon Press, 1996.